

Губайдулину не пускали, замалчивали, хотя в глубине души притеснители, конечно, знали, с какой «величиной» имеют дело. Теперь Губайдулиной «позволено» быть свободной.

Ее музыке разрешили звучать, нам — слушать ее и восхищенно отмечать юбилей композитора. Софья Асгатовна, мы поздравляем вас с днем рождения. А слово о вас, о вашей музыке попросили сказать не просто благодарного слушателя, но художника, чье творчество пересеклось однажды с вашим и обогатилось им, — Ролана Быкова, который — воспользуемся строкой Игоря Северянина — хотел бы

2618-1991-2
мы это делаем обычно, она оказалась чужеродной. Она прошла целый путь вживания в ткань картины. И когда была вживлена, стало ясно, что эта музыка — кровь фильма, она потекла по его кровеносным сосудам.
Соня усилила изначально задуманное религиозное звучание картины. Она ведь верующий человек, что «прослушивается» и в ее музыке. Губайдулина уже давно широко из-

— Господи, да о ком же и говорить, как не о Сонечке! И я бы хотел, чтобы слова мои были восприняты как объяснение в любви.
— Вы встретились с Софьей Асгатовной, когда снимали фильм «Чучело». Она приняла ваше предложение написать музыку к нему...

«ПОПРОСИТЬСЯ РОБКО К ВАМ В ДРУЗЬЯ»

— Нет, мы уже были знакомы к тому времени. А первая наша встреча произошла на съемках картины Иды Гараниной «Балаган» по пьесе для кукольного театра Гарсии Лорки. Губайдулина написала музыку к этому мультипликационному фильму, а я был приглашен озвучить Клоуна. Картина музыкальная, все персонажи поют. Не зная нот, воспринимая все исключительно на слух, пел и я, чему до сих пор никто не может поверить. Ну, а последний номер, требовавший особенного драматизма, спеть не сумел и очень огорчился. Сонечка же сказала: «И не надо, вы читаете, и это замечательно, вот так пусть и будет». Но я-то знаю, что если бы смог спеть, было бы лучше.

Фильм Гараниной с превосходной живописной музыкой Губайдулиной получился замечательный. Очевидно, поэтому его решили не показывать советскому зрителю и продали англичанам — только мы его и видели. Впрочем, это уже о другом.

— Почему же о другом? Подобные «неприятности» у Губайдулиной случались нередко...

— Да, но не в кинематографе. Тут она как раз гонениям не подвергалась. О другом же потому, что мое замечание ставит ее в контекст смутной, трагичной, нелепой — какой угодно — нашей жизни. А Губайдулина в него не вписывается. Она вообще вне контекста.

Ее числят среди лидеров нашей авангардной музыки — будто бы она представляет какое-то направление. Но я ей сразу сказал: «Соня, вы принадлежите только к одному направлению — направлению Софьи Губайдулиной». Сонина музыка узнаваема, ее ни с чем не спутаешь. А классифицировать ее можно, как угодно. Если пожелаете, хоть к классике причислите. Или к авангарду. Или к духовной музыке. К существу ее творчества это отношения не имеет. Соня в музыке свободна. Она вне школы, понадобится — создает новую школу. Ничего не чурается, никаких приемов. Я очень люблю прием и очень не люблю, когда перед ним стоят на коленях, потому что это зависимость, неволя, несвобода. Соня такой неволи не ведает. Да, по-моему, и любой вообще неволи не знает.

Она, на мой взгляд, совершенно свободна от идиотизма. Не считайте мои слова за грубость по отношению к ней. Ведь это редчайшее свойство. От идиотизма в том или ином его проявлении несвободно большинство из нас — 99 процентов. А Соня попадает в оставшийся один процент. Она вообще «единична», она — «духовный» человек. Человек, целиком отдающий себя творчеству. И потому у меня отношения к ней, как к самому твор-

вестна на Западе. Бывая за рубежом, я неоднократно замечал, что ее музыка звучит не только в концертных залах, но и в церквях, соборах.

— Ролан Антонович, давайте все же вернемся в контекст нашей нелепой жизни. Как произошло, что Губайдулина не попала в число получивших Госпремию СССР за фильм «Чучело»!

— Ни Губайдулина не попала, ни актеры — Никулин и Орбакайте. Я бился за этот список, но, будучи секретарем Союза кинематографистов, в полную силу бороться не мог. Ведь это была моя картина, «мои» люди. Я кричал, доказывал, вписывал опущенные имена, но они опять исчезали. Сначала мне даже говорили, что это машинистки их не печатают. Потом — будто бы не утвердила московская секция. Сведя к минимуму число награжденных, хотели принизить значение картины. Но хватит об этом. Музыка Губайдулиной настолько выше всяких премий, что и говорить-то на эту тему неудобно. Не убежден, что Соня вообще заметила, что ей не присудили премию.

Она далека от таких «земных радостей», от мелкой, мышинной возни вокруг сладкого пирога. Соня умеет охранить себя от навязчивой повседневности, от посягательства на свое время, свои занятия. Тут она проявляет твердость и жесткость. Если она занята, если работает, если ей недосуг, чтобы вы звонили, вы ей и не позвоните, не застанете ее, не добьетесь. Соня сосредоточена и несуетна. Суета, которой так много вокруг, в которой мы все живем, не затрагивает ее. И это еще один повод для восхищения и зависти...

Я часто дружески подтрунивал над Соней, «показывал» ее — говорят, очень похоже, написал на нее множество эпиграмм — возможно, они где-нибудь сохранились у нее, но все это ничуть не умалило моего безграничного и «серьезного» уважения к ней. В нашей бедной, убогой жизни редко выпадают случаи серьезно задуматься и поговорить об искусстве, о самой жизни, всерьез воспринять человека или ситуацию. А Соня сразу же внушает серьезное отношение к себе. Меня она заставила вновь задуматься о Моцарте и Сальери, еще и еще раз серьезно размышлять об искусстве.

Напоминание о Губайдулиной вызывает у меня печаль. Соня, к сожалению, не моя компания, я живу «ниже», чем она. Мне не даны такие друзья. А я всю жизнь мечтал о дружбе с людьми, подобными ей, о том, чтобы слушать их, разговаривать с ними...

Беседу вела
Н. ШАДРИНА.

● С. Губайдулина.
Фото В. Баженова.

Кучерява. — 1991. — 26 окт. — С. 11